

ФУНКЦИИ

Ольга чувствовала себя всё хуже и хуже и, в конце концов, решила лечь в больницу.

Вениамин Маркович, её врач на протяжении уже лет семи, выписал направление с готовностью — Ольга замучила его частыми визитами, звонками, так что он был вынужден раза два-три намекнуть, что он не психолог, а психиатр... Да, с готовностью выписал направление, но посчитал нужным выразить сочувствие, хотя бы формально оправдать это своё решение:

— Месяц стационара вам, Ольга, необходим. Понимаю, что это тяжело.

Ольга покачала головой, губы старалась держать загнутыми книзу, хотя в душе была рада. Конечно, для статуса это не на пользу — лежать в психушке, — отношение к тебе меняется, люди начинают воспринимать тебя как не очень-то полноценную, относиться с осторожностью. Но Ольга была художницей, а не, скажем, учительницей или бухгалтером. Людям творческим, тем более с талантом, который признан, оценён, как говорится, сам Бог велел обладать своеобразной психикой и время от времени отъединяться от этого грубого, суетного мира в лечебницах, спрятанных в берёзовых рощах и сосновых борах. Тем более, их больница напоминала санаторий — люди там скорее отдыхали, приходили в себя, чем зависели от препаратов. Исцелялись покоем... По крайней мере, прошлые посещения лечебницы оставили у Ольги такое ощущение.

— Надеюсь, я попаду в ваше отделение, — сказала Ольга.

— Конечно, конечно.

И на следующий день она входила в приёмный покой, словно в терминал аэропорта. Катилась большой чемодан с вещами.

Оформление состоялось довольно быстро и легко — в кабинете была знакомая Ольге пожилая врач, которая, в свою очередь, узнала Ольгу и даже приветливо улыбнулась:

— Снова к нам, милочка?

— Да, нужно перезагрузиться.

— Хорошо. Очень хорошо...

— Мне к Вениамину Марковичу. Во второе отделение.

— Я в курсе. Всё будет хорошо, не волнуйтесь.

Но когда уже бумаги были написаны и подписаны, врач сказала:

— Вещи оставьте провожающим, а они потом отнесут медсестрам. С собой вам вносить нельзя.

— Да? — Ольга удивлённо изогнула брови. — Раньше можно было.

— Раньше — можно. А теперь, к сожалению...

— А меня никто не провожает.

Врач посмотрела на Ольгу с подозрением. И менее приветливым тоном посоветовала:

— Можете вон Александру Григорьевичу оставить. — Кивнула на стоящего у двери санитара.

Санитар был высокий, крепкий, с лицом боксёра.

— А, — Ольга перешла на шёпот, — это надёжно? У меня там ценное...

Врач хмыкнула, а санитар многозначительно кашлянул.

Делать было нечего — дошли до нужного корпуса, Ольга катнула санитару чемодан. Санитар катнул обратно:

— А халат, тапки? Их с собой надо взять.

Пришлось открыть чемодан, рыться в нём на глазах постороннего.

— И шубу тоже давайте, — сказал санитар, когда она закончила.

— Зачем шубу?

— Вдруг сбежите.

— Но я ведь не на “острое”, я сама, по направлению.

Санитар стал сердиться:

— Я, что ли, порядки устанавливаю? Так положено. Вещи и верхнюю одежду провожающим, а они — дальше.

Ольга сняла шубу, отдала её, мягкую, душистую, чужому мужику в сероватом халате. А потом полчаса, пока её оформляли теперь уже в отделении, пока переодевалась, заселялась в палату, дрожала, что там с вещами.

Медсёстры были молодые, незнакомые. И борзые до предела. Вопросы задавали рыкающе, не просили, а приказывали... Ольга, конечно, никогда не бывала в тюрьмах, но, судя по фильмам, именно так ведут себя надзирательницы. Она растерялась, как-то быстро сдалась, и руки сами собой потянулись за спину, словно у зечки.

Ввели в палату, где уже обитали четыре женщины — две примерно возраста Ольги, в районе тридцати пяти, одна лет слегка за двадцать, а четвёртая — пожилая.

Встретили её затравленными взглядами. Лица голые, ненакрашенные... Не поздоровались, даже не кивнули.

— Добрый день! — сказала Ольга и улыбнулась.

— Добрый? — вопросительно отозвалась одна из её ровесниц, остальные промолчали.

Раньше было иначе. Каждая палата — маленький женский клуб. Постоянный щебет, перебирание косметики, нарядов, советы, споры, а теперь — гнобющая тишина. Надавила на уши, будто Ольга нырнула глубоко под воду.

Присела на свою кровать, разглядывала соседок. Не в упор, но внимательно. И тревога всё росла, росла, стала колотить, жечь. Женщины были неживые...

Потом принесли чемодан.

— А шуба?

— Зачем тебе шуба? — спросила старшая медсестра, но по возрасту явно младше Ольги.

— Волнуюсь...

— Шуба — где надо. А кто слишком у нас волнуется, тех на “острое” переводим.

Ольгу тряхнуло.

— А что вы хамите?

— Хамлю? — Медсестра посмотрела на неё ледяными глазами. Вернее, с какой-то ледяной злобой. Особь с такими глазами не будет орать, даже голоса не повысит, а просто возьмёт и задавит. В прямом смысле слова. Потом скажет, что суицид...

Ольга открыла чемодан. Он был почти пуст.

— А где платая? Косметичка? Туфли? Плойка? Сигареты где? Что за фигня-то такая происходит?!

Возмутилась громко, открыто — медсестра уже вышла.

— Теперь тут жесть, — сказала та ровесница, что отозвалась вопросительным “добрый”. — Я расслабиться легла, а теперь понимаю, что сдыхаю медленно.

— А что произошло? Почему так?.. Как вас, зовут, извините?

— Ксюша, — с рефлексорной кокетливостью ответила та, и тут же голос снова стал горестным: — Ну что, поменялись порядки. Это их любимое объяснение. Сегодня самая свирепая смена.

— Да уж, как из тюрьмы строгого режима... А вы здесь не первый раз?

— Второй.

— Все не первый, — подала голос пожилая. — И никто с таким не сталкивался.

— Надо жаловаться тогда.

— Жаловались. Только хуже.

Но Ольга пожаловалась. После первого обыска — настоящего шмона.

Через три дня её жизни в больнице, утром, после завтрака, в палату влетели те самые медсёстры-надзирательницы и чуть не в шею выгнали всех в коридор. Ольга чудом успела прихватить ноутбук, в котором делала наброски новой картины.

Стояли в коридоре, а за дверью слышался стук выдвигаемых ящиков в тумбочках, скрип панцирных кроватей, шуршание пакетов. Что-то падало, хрустело.

Минут через пятнадцать их запустили обратно. Вещи не валялись, постельное бельё не было сброшено на пол, но сразу стало понятно, что каждая мелочь, каждая тряпочка ошупана чужими руками... Медсёстры торжественно выносили сигареты, ножницы, пилочки для ногтей.

— По какому праву всё это происходит? — стараясь не сбиться на визг, спросила Ольга.

— По праву правил больницы, — дёрнула плечами старшая. — Это вам не курорт, а больница. И вас тут должны лечить, а не развлекать.

Это “должны лечить” прозвучало как “должны разрезать на куски”.

Заправив постель, наведя порядок в тумбочке — кое-что протерев влажными салфетками, — Ольга пошла к Вениамину Марковичу. С ним, как она считала, у них были особые отношения.

Нет, ничего такого. Но то участие, какое проявлял к её здоровью Вениамин Маркович, — всегда сразу принимал её или давал советы по телефону, случалось, звонил сам — не могло не вызывать у неё чувства, что он её выделяет. Ей хотелось в это верить...

Как-то Ольга подарила ему свою картину, и Вениамин Маркович искренне благодарил.

Сейчас она сидела в его кабинете и говорила плачуще:

— Это... это беспредел самый настоящий... извините за слово. Выдают утром четыре сигареты на весь день, а если находят спрятанные — отбирают. Пользоваться ножницами, пилочками, краситься — только в присутствии сестёр. А они смотрят, как звери. Особенно эта, которая сегодня старшая.

— Алина Борисовна, — уточнил врач.

Ольга на некоторое время оторопело замолчала — не могла осознать, что у этой стервозины тоже есть имя и отчество.

— Наверное, — кивнула наконец. — Она... Это просто возмутительно. Как в тюрьме какой-то... строгого режима. — Сравнение со строгим режимом не выходило у неё из головы.

— Да, я понимаю вас, Ольга Евгеньевна. Понимаю и сочувствую. Не вы первая приходите ко мне с этим.

Вениамин Маркович протяжно вздохнул, и Ольга увидела, какой он усталый, измотанный. А ведь немногим старше неё, скорее всего, сорока лет. Она знала, что у него жена, дети; наверняка, кроме профессиональных, занимаются и домашние заботы и проблемы. Ещё вот и такие разговоры — о хамках-медсёстрах. Беденький...

— Режим, — он усмехнулся, и от усмешки его усталость стала очевидней, — режим ужесточился, это правда. Я ничего не могу сделать — медсёстры действуют в соответствии с регламентом. Так что прошу вас, Ольга Евгеньевна, потерпеть. Пожалуйста. И не беспокойтесь. Хорошо? Иначе наш курс не принесёт никакой пользы... Как ваша живопись? Что читаете? Посоветуйте что-нибудь стоящее...

В общем, от него Ольга вышла более-менее успокоенная. Вернее, смирявшаяся. Даже несчастные четыре сигареты в сутки не вызывали такого негодования, как поначалу. Тем более, что накуривалась во время прогулок — покупала в ближайшем магазине пачку "Парламента", а на входе в отделение сдавала медсёстрам.

— Мы скоро ларёк табачный откроем, — шутили те. — Все полки забиты.

Но смирение разрушало Ольгу — она чувствовала, остро, физически, что опускается. Скоро станет, как эти её соседки, — посмотришь на их почти насекомое существование и реально с ума начинаешь сходить... Вспомнились прежние соседки.

Те с раннего утра начинали чистить перья, выбирать, в чём пойдут на завтрак, а в чём примут Вениамина Марковича. Красились, перекрашивались. Сколько было жизни...

Помнитея, Ольгу они бесили, а теперь хотела, умоляла какие-то силы, чтоб случилось чудо, и вернулась та атмосфера.

Чуда не происходило — в палате, как ядовитый туман, висела зеленоющая тоска. Наряды, косметички, плойки были заперты у медсестры; женщины чахли.

Спасаясь, Ольга погуллила ближайший салон красоты и во время прогулки, когда дежурила смена не очень злых сестёр, отправилась делать маникюр. Если опоздает — эти вряд ли набросятся.

Вошла в салон — переоборудованную квартиру на первом этаже пятиэтажки — смело, гордо, всячески стараясь вернуть то ощущение, какое было до больницы: ощущение, что она — подарок этому миру, она — победительница. И то, что оказалась в нынешнем положении — почти заключённой, у которой отобрали чуть ли не все вещи, заставили жить по унижающему её регламенту — случайность. Скоро эта случайность будет исправлена.

— Добрый день! — сказала громко и широко улыбнулась, распахнула глаза.

И так застыла, окаменела с этой улыбкой, которая стала постепенно оползать к подбородку: перед ней стояла Алина. Та самая Алина Борисовна.

На лице надзирательницы мелькнуло замешательство, но быстро сменилось выражением приветливости и чего-то такого, что бывает у официанток, горничных, консультанток в бутиках.

— Здравствуйте! — ответила она. — Проходите, пожалуйста. Что будем делать? Стрижка, маникюр, педикюр?

— Я... Я хотела маникюр. — Ольга услышала в своём голосе виноватость, собралась и повторила увереннее, жёстче: — Маникюр.

— Отлично! Классический? Бразильский? Френч? Можно сделать кружевной...

— Мне нужен шеллак. — Ольга решила выбрать посложнее. — Есть такая услуга?

— Конечно! Раздевайтесь, вот вешалка...

В салоне были ещё девушки, но в те три с лишним часа, пока происходило снятие старого лака, остригание отросших ногтей, накладка нового, сушка под УФ-лампой, она видела только Алину. Как вошла, влипла в неё и взглядом, и сознанием, так и не могла оторваться. Испуг, недоумение скоро испарились, осталось любопытство. Ольге было интересно наблюдать за хамкой, чуть не садисткой в другой обстановке. И практически ничего общего с той Алиной у этой не было. Взгляд другой, голос другой, даже движения. Словно добрая близняшка.

И, как это заведено у маникюрщиц, она стала рассказывать... Обычно в салонах велись разговоры о сериалах, новых поездках ведущих “Орла и решки”, о событиях в “Доме-два”, новости о Баскове, Бузовой, Лере Кудрявцевой, и Ольга слушала их с интересом — сама она телевизор почти не смотрела, журнальчики не читала, сериалы предпочитала умные и сложные, а тут вот будто оказывалась в иной реальности.

Но Алина рассказывала не о сериалах и звёздах, а о своей жизни. Как-то так ненавязчиво начала, и потекло, потекло неспешно, без нервов и рыданий в горле. Словно делилась сюжетом неоригинального, вторичного, но всё же цепляющего душу фильма.

Ей двадцать семь. Дочка и сын, больная мать. Живут здесь недалеко в двухкомнатной квартире. Мужа нет и не было. Мужчины появляются, конечно, но до свадьбы не доходит. Зато детей оставляют. С детства хотела стать врачом, правда, в школе училась неважно, поэтому пришлось уйти после девятого. Окончила медучилище, стала работать медсестрой. Сначала в тубдиспансере, который тоже тут поблизости, а потом перешла в эту больницу — и к дому ближе, и опасность заразиться туберкулёзом или ещё чем минимальная.

Денег постоянно не хватает, алименты — слёзы просто: “Эти, папашито, никто нигде официально не работает”, — поэтому, когда приятельница предложила подрабатывать в салоне красоты, она с радостью согласилась. “А что — сутки на смене, сутки отсыпаясь и по дому разное, а потом день здесь. Терпимо”. Прошла курсы, стала мастером.

В ответ Ольга рассказала, что художника. О выставках, поездках, заказах портретов богатых людей, даже мэра...

Расстались чуть ли не подругами, и она как-то летяще, как в старой песне поётся — “летящей походкой”, — не чувствуя своего веса, дошла до корпуса, возле крыльца выкурила сигаретку. Поднялась в отделение. Сигареты решила не сдавать — спрячет под тумбочку. Остальные бригады медсестёр, кроме Алининой, обыскивают формально, а чаще не обыскивают вовсе, Алина же вряд ли теперь будет свирепствовать. По крайней мере, по отношению к ней, Ольге... Откровенный рассказ, двести рублей сдачи, которые Ольга не взяла, имели какое-то значение.

Но она ошиблась. На следующий день шмон случился раньше, чем обычно — во время завтрака. Обитательницы отделения находились в столовой, а в это время Алина со своей напарницей переворачивали постельное бельё, рылись в тумбочках, двигали нехитрую мебель.

Входя в палату, Ольга сразу наткнулась на лицо Алины. Как и вчера, в салоне. Наткнулась и понялась, будто ударилась о стену. Грязную и шершавую. Теперь лицо медсестры было перекошено от ненависти и возмущения.

— Это что опять? — зашипела Алина и скакнула к Ольге, помахая “Парламентом” — какого-нибудь сантиметра не хватало, чтоб пачка тыкалась в глаза. — Это что, спрашиваю? Сколько раз говорить — никаких сигарет! Ни-ка-ких! Что, вообще запретить? А?

— Как вы можете... — сказала Ольга с усилием, будто её душили, изумлённая не самой грубостью, а грубостью после вчерашнего. — Как вы можете так? Мы ведь вчера так хорошо... Как вы можете так меняться, Алина?

— Могу. А что? Сегодня — не вчера. Сегодня у меня другая функция: не давать вам тут курорт устраивать. Нашли тёпленькое местечко — лежать, покуривать... Психика у них тонкая! Паразитки.

— Заткнись! — проорала Ольга, готовая вцепиться в волосы медсестры. — Мразь! Я тебя уничтожу, скотина!

Алина отступила на шаг-другой и спокойно сказала напарнице:

— Настя, у нас приступ. Физическая угроза персоналу. Вызывай санитаров — необходим перевод на “острое”.

СЮЖЕТЫ

— ...Ну, хоть на один вопрос вы можете ответить: Аменхотеп Четвёртый и Эхнатон — это один и тот же человек или разные?

На сей раз преподаша Древнего мира Инна Андреевна принимала зачёт не в аудитории, а на кафедре — в тёмной, тесной комнате с тяжёлыми картинами на стенах и книжными шкафами из почерневшего дерева. Будто внутренность гробницы...

Олег подвигал плечами и пробубнил:

— Один.

— Та-ак, — в голосе Инны Андреевны появилась человеческая нотка. — А кто это такой?

— Фараон.

— Так-так. А почему же у него два имени?

Олегу было двадцать пять лет. Но сейчас он ощущал себя пятиклассником... Да нет, в пятом классе он любил историю, многое знал, получал в основном пятёрки. Теперь же его, первокурсника столичного вуза, от неё тошнило. От одного только упоминания о фараонах, ассирийцах, Урарту, шумерах... Словно какие-то промасленные бинты от мумии совали под нос...

— Ну, что молчим?

Хотелось сказать Инне Андреевне, что она просила ответить хоть на один вопрос, а он, Олег, ответил уже на два. Но это наверняка разозлит преподашу ещё сильнее. И Олег молчал, глядя в пол, как провинившийся подросток.

Провинившийся, но не сдающийся — сюда он поступал не затем, чтобы снова погружаться в истлевшую древность.

— Почему у этого фараона два имени? — голос Инны Андреевны вновь металлически заскрежетал.

“Так прогонит или впаяет “незачёт”?” — вяло гадал Олег, не пытаясь выдвигать версии по поводу двух имён. А знать он, конечно, не знал. Да и не хотел.

Это была пятая пересдача, на дворе — начало апреля. Скоро летняя сессия, а у него с зимней хвост.

— Судя по журналу, вы, — преподаша глянула в зачётку и хлестнула Олега именем-отчеством, — Олег Валентинович, присутствовали на лекции, где я рассказывала о том, почему этот фараон из Восемнадцатой династии был сначала Аменхотепом Четвёртым, а потом стал Эхнатоном. Неужели ничегошеньки в памяти не отложилось?

Лекции Олег старался не прогуливать, но слушать получалось редко. Мозг попросту не хотел включаться. Как клапаны там какие-то возникали, перекрывали...

— Вот вас здесь на писателей учат, — со злой насмешкой заговорила Инна Андреевна; сама она был почасовой, из МГУ. — Но как можно вам, будущим, так сказать, писателям, проходить мимо таких сюжетов? Даже не то чтобы проходить, а попросту не знать. А?

Она замолчала, видимо, ожидая, что Олег спросит: “Каких сюжетов?” Олег молчал. Преподаша покачала в руках зачётку — казалось, вот-вот шагнет к столу, возьмёт ручку и черкнёт в нужной графе короткое “незач”. Но не шагнула — любовь к своему предмету в этот момент оказалась сильнее злости на плохого студента. Она стала рассказывать сюжет:

— Это, естественно, крайне схематично и упрощённо — лишь суть... Итак, примерно три тысячи триста восемьдесят лет назад, при фараоне Аменхотепе Третьем, Египет находится на пике могущества и богатства. С окружающими государствами поддерживаются мирные отношения, боевых действий практически нет. Кровь не льётся. Мудрая внешняя политика: среди жён

Аменхотеп Третий — сёстры и дочери вавилонских и митаннийских царей. Строятся грандиозные храмы, процветает торговля, народ благоденствует... Были, конечно, и восстания, и внешние угрозы, но для того времени его царствование стало удивительно спокойным... Аменхотеп Третий правил тридцать восемь лет. Ещё при жизни он был обожествлён, причём обожествлял себя сам, упорно называл видимым Солнцем... Кстати, каких египетских богов вы знаете?

Олег сумел вспомнить сейчас одного:

— Омон Ра.

— Во-первых, не Омон, а Амон... И что это за бог — Амон?

— Солнца?

— В итоге, да... когда добавилось “Ра”... Но это позже... Сейчас не об этом... Во времена Аменхотепа Третьего и до него Амон был богом небесно-пространства, воздуха. И в эпоху Восьмой династии стал главным государственным богом. Пик поклонения ему приходится как раз на время правления Аменхотепа Третьего.

В висках у Олега закололо. Хотелось потереть их пальцами, но он боялся шевелиться.

— А после пика, как известно, происходит спад. И этот спад в отношении к Амону оказался настолько резким, что только диву даёшься... Ведь мы привыкли мерить древнюю историю столетиями, нам кажется, время тогда текло медленно, процессы происходили постепенно. А тут — события трёхтысячелетней давности — мы можем проследить чуть ли не помесечно... Ну, или если не проследить, то представить. Вы ведь, — увлечённость в голосе преподаши сменилась иронией, — потенциальные художники слова тут собраны. Так что представляйте, домысливайте, живописуйте. А вам лишь бы... Ну, ладно, — остановила она себя. — Итак, умирает Аменхотеп Третий и фараоном становится его сын Аменхотеп Четвёртый.

Олег всё же не выдержал и потёр виски.

— Слушайте, слушайте, знания лишними не бывают... На первых порах Аменхотеп Четвёртый поклоняется, как и его предшественники, в первую очередь, Амону... Кстати, у египтян был монотеизм или политеизм?

“Моно — один, — мелькнуло в голове Олега. — у египтян не один, стопудово... Осирис ещё, эта, Иштар, вроде...”

— Политеизм, — сказал он твёрдо.

— Хорошо. Хотя так... И вот Аменхотеп Четвёртый берёт и на второй год своего правления приказывает возвести в столице храм Атону, богу солнечного диска, не уступающий в размерах и пышности храму Амона. Лет через десять поклонение всем другим богам, кроме Атона, было вовсе запрещено. По сути, религия Египта стала монотеистической. Аменхотеп Четвёртый меняет имя на Эхнатон, меняют имена и все его родственники... Ещё в начале царствования он решает основать новую столицу. На голом месте, с нуля... А какой город был тогда столицей Египта?

Олег молчал.

— Мемфис или Фивы?

— Фивы?

Инна Андреевна обрадовалась:

— Верно!.. Так вот, началось строительство новой столицы — Ахет-Атона, что значит “Горизонт Атона”. Город просуществовал чуть больше пятнадцати лет, и после смерти Аменхотепа Четвёртого сначала был покинут правящей династией, потом остальными жителями, а потом разрушен как еретический центр. Его укрыли пески... Ахет-Атон обнаружили только в восьмидесятих годах девятнадцатого столетия. Представляешь! Раскопки потрясли учёных. Это был совершенно необычный для древнего Египта тип города... Ладно. — Преподаша словно проснулась и тяжело вздохнула. — В общем, история интересная и в высшей степени драматичная. И ничего про неё не знать и не хотеть знать... Там ведь и Нефертити участвовала, и Тутанхамон... Вот египтологи долго сомневались, что был такой фараон — Тутанхамон. До самого открытия Картером его гробницы... О ней, кстати, тоже своя история, свой сюжет... А почему не признавали? Потому что знали,

что был такой фараон Тутанхатон, и потом он исчез. И появился Тутанхамон. А оказалось, что он вернул себе прежнее имя — в честь Амона. Ясно?

— Ясно, — с готовностью кивнул Олег.

— Да ничего вам не ясно. И я так рассказываю — второпях, с одного на другое... Взять хотя бы Тейю, мать Аменхотепа Четвёртого. Это такая фигура! С неё, по сути, и началось, она мужа подбила. Он с её подачи постепенно Атона вводил, а сын уж развернулся... Можно параллель с Алексеем Михайловичем провести и Петром. Отец действовал эволюционно, а сын революционно. Так ведь?

— Да, точно! — Олег всячески старался выказать интерес и согласие, хотя голова раскалывалась, тошнило от странных имён, за которыми маячили истлевшие мумии.

И сама Инна Андреевна напоминала что-то из древности: платье в виде балахона, сухое морщинистое лицо, распущенные по плечам волнистые волосы...

— По всему огромному Египту от Нубии до низовий Нила люди соскабливают лики богов, оставляя лишь Атона, сопротивляющихся казнят, тела сжигают. А для египтянина уничтожение тела — самое страшное наказание, это значит, что он исчезает навсегда. Навечно!.. А потом Аменхотеп-Эхнатон умирает, и его наследник Тутанхамон, ещё мальчик совсем, возвращает народу его пантеон богов. Вернее, в разных районах были разные боги... Снова мешанина, многобожие... Эхнатона вынимают из усыпальницы, саркофаг крошат в мелкие осколки... Есть версия, что останки перенесли в Долину царей, где традиционно хоронили фараонов и их родных, а может, и сожгли, как еретика... Три тысячи лет назад, а какие страсти кипели!..

Инна Андреевна замолчала, ещё раз вздохнула, тяжело и протяжно, села за стол, взяла ручку... Олег сжался от страха.

— Конечно, про Эхнатона и все эти дела писали. И Мережковский касался темы, и Томас Манн слегка, и даже Агата Кристи. А современные... Да и куда вам до таких сюжетов. — Черкнула что-то в зачётке и протянула её Олегу. — До свидания.

— До свидания. — Олег не знал, благодарить или послать: “незач” наверняка равносильно отчислению.

Вышел в коридор, глянул, увидел “зачёт”. Дёрнулся, вскинул руки, сбрасывая с себя Аменхотепов, Эхнатов и всё прочее, чуть было не заорал от радости. Голова моментально перестала болеть. Ноги понесли прочь из института.

Возле крыльца ждали Кирилл, Вася и Ванёк, однокурсники.

— Ну, как, сдал?

— Сда-ал.

— Офигеть! — Вася, осилевший зачёт по Древнему миру неделей раньше, потер руки. — Погнали бухать.

— В ЦДЛ, — добавил Кирилл. — Наведём порядок в графоманском логове.

Они частенько после лекций сидели в Центральном доме литераторов, в нижнем буфете, где водка и закуска были более-менее по карману. Смотрели на пожилых и не добившихся славы писателей, или переживших славу, и посмеивались над ними. Иногда громко и откровенно... На первом курсе Литературного института каждый уверен, что самый талантливый, и очень скоро это признают все, пойдут публикации, книги, признание. Пусть не весь мир, но страна будет следить за каждым твоим движением...

Почти два месяца, вернувшись после каникул, Олег мучился из-за несданных экзаменов и зачётов. Учить не получалось, и он пил. С однокурсниками, ребятами с других курсов, живших в общежитии, а то и один. Сидишь, сидишь, глядя на учебники и тетради, а потом встаёшь и идёшь в магазин... Теперь же, когда гора свалилась с плеч, — завтра он гордо войдёт в деканат и бросит перед Светланой Викторовной, завучем учебной части, зачётку. Она наверняка скажет: “Надоело преподавателей мучить? Отчисляешься?” А он ответит: “Всё сдано”. И ухмыльнётся криво на её изумление.

Да, гора свалилась с плеч, и очень захотелось писать. Внутри давно бродили, булькали, как скисающая жижа, сюжеты рассказиков. Ими он наполнился ещё в феврале, когда ездил домой, в сибирский райцентр, и вот до сих пор не мог перекачать из себя в компьютер, перевести услышанное и увиденное в слова. Поэтому идти бухать отказался. Тянуло реально, прямо физически тянуло в комнату, за стол...

— Ну, а на хрена ж мы тебя ждали два часа! — разозлился Вася, поэт из Тамбовской области.

— Я не просил меня ждать...

— А, — отмахнулся прозаик из Самары Кирилл, — не хочет — нам больше достанется. Баблосов-то не беспредельно.

А Ванёк, переводчик из Москвы, заметил:

— Это неправильно — сданный зачёт не обмыть. Не к добру.

— Завтра обмоем, чуваки.

Они демонстративно его не услышали. Пошагали по Большой Бронной в сторону ЦДЛ. Заготовали.

А Олег минут через сорок оказался в общаге. Его соседом по комнате был Кирилл, который наверняка сейчас вливал в себя стопку за стопкой, так что до вечера никто не помешает работать.

Разогрел на сковородке гречку, а когда она накалилась и защёлкала, выбил два яйца. Перемешал. Дешёвая и сытная еда... После обеда достал из-под матраса спрятанный ноутбук, включил. Уселся.

С какого сюжета начать? Вот с этого, простенького вроде, но душевного. Друг детства рассказал — здоровенный парнища стал, вахтовик. Курили у подъезда, он вдруг стал плачущим голосом говорить. Теперь, спустя два месяца, Олег записывал его слова:

— Ну, у нас пересадка была в “Тайге”... станция такая... Обычно самолётом, а тут на поезде отравили. И в “Тайге” этой пять часов надо было сидеть ждать поезда. Вообще, блин... Куда пойти — дождь, а на вокзале — ни вздохнуть, ни пёрнуть... Ну, сели мы с братаном в зале, где кассы, сожрали курицу, она уже завоняла, влили по батлу пива, ну, и покемарить решили. Я плейер включил, чтоб под “Металлику” дрёма пришла... Ну да, до сих пор “Металлику” слушаю — грамотный музон делали... Слушаю, слушаю, и тут братан стал меня пихать в рёбра прям. “Чо?” — говорю. “Вон, гля, на тебя кассирша вылупилась, придурок. — Где, блин? — Вон, из третьей”. Я — гля, вточник, такая, кассирша вообще, такая, смотрит. “Ну, и пусть”, — говорю и снова “Металлику” слушаю, ставни прикрыл, время тороплю. А домой охота, надоели эти поездки, вонь, хренотень. Приехать, врубить “Металлику” на всю катушку, отъехать... Ну, слушаю, кемарить пытаюсь. Когда ставни устают закрытыми быть, открываю, и сразу попадаю на эту из третьей. А она смотрит так устало и ласково как-то, не отрываясь. “Ну, — думаю, — эт из-за ночи. День не спала, теперь, такая, мается”. Братан толкает опять. “Чо, блин? — Иди, — говорит, — побазарь с ней. Гля, как глядит”. А мы напротив касс торчим, тут — пустое пространство, слева — сиденья людьми забыты, справа — расписание поездов. До касс — шагов десять... “Да ну, — говорю. — Чо я ей? — Иди, придурок, потом расскажешь”. “А чо, — думаю, — надо встать, размяться”. Встал, пошёл к расписанию. Ну, посмотрел прибытие-отбытие, надоело, пошёл к кассе, где эта сидит. Иду, смотрю на неё, а она улыбнулась и ткнулась в свои бумажки... Встал вот так вот сбоку и смотрю на неё через стекло. Волосы такие густые, жёлтые... ну, крашенные, белая рубашка или как там... Подняла на секунду лицо — вообще! Я, такой, прибалдел. Глаза у неё — тёмные, яркие такие, большие, брови — вот так вот, носик, ротик с губами пухлыми, подбородок кругленький, аж сразу целовать захотелось. Главное — кожа... Как теплом обдало каким-то. Приятно стало так вообще... Ну, я стою, смотрю. Подошёл дед какой-то, билет стал покупать. Я смотрю, она там печатает, с дедом разговаривает. Голос-то не слышу, но чувствую — без нервоза. А в ушах у меня “Металлика” лирику заиграла. Вообще!.. Потом смотрю — у неё эта бирочка приколата к рубашке этой, и на бирочке или как там, короче, фамилия её — “Похлёбина Л. А.” Я чутка не заржал. Может, фамилия

и сыграла роль... Ну, дед купил билет, смылся, она на меня глянула и снова в бумажки. А стою, “Металлику” слушаю. Побазарить бы, то да сё, все дела. Но это обломало меня — “Похлёбина”. Тёлка Похлёбина в кассе “Тайги”... Пошёл к братану, короче. Он щемит, такой, на сумках, я его разбудил, достал пива, стал пить. Братан мне: “Ну, чо? — Ничо”. Настроенье упало, домой охота, устал вообще... Ну, а потом уже скоро и на посадку нас пригласили. Посадка с третьей платформы — это через мост над шпалами. Бли-ин!.. Нашли вагон, в общем, затащили сумки, вышли обратно покурить. Дождя нет, ночь, тепляк, пахнет дымом дорожным. Я без плеёра — надоело, башка чугунная — дышу, облегчение чувствую, что через сутки дома, кончатся наши мытарства. И тут вдруг — она. Прикинь! Она бежит по перрону. Ну, как в фильме вообще... Волосы так в одну сторону, в другую... Увидела, остановилась, потом подошла шага на три. Мы с братаном на неё — во все шары, охреневшие, а она — на меня. Смотрит, смотрит. И тут громкоговоритель, прямо по мозгам: поезд отправляется. А она стоит, золотоволосая такая, в форменной одежде своей, шея из воротника длинная, гладкая... Ну, блин, вилы, короче... И поезд пошёл. Братан уже в вагоне, орёт мне: “Давай, придурок!” А она говорит: “Счастливого пути”, — поворачивается и убегает. И вот я не пойму, что ж это было такое... “Тайга” эта, станция зачуханная, ночь, я небритый, она... Ну, глянула, а вот прибегать к поезду... Как там поют? “Только раз бывает в жизни встреча...” Может, вточняк — встреча та самая? Сначала прикалывался вместе с братаном, стебался, а теперь каждый день вспоминаю. Схватить бы её тогда и увезти. Или самому остаться. Махнуть братану и остаться. Но ведь, блин, так не бывает. Эт только в кино... Или и в жизни бывает? Один раз хотя бы... Ведь это была — она. И я для неё был — он. Но ведь как, на вокзале, блин, среди ночи...